

Мурзилка

ОРГАН ЦК ВЛКСМ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

Вождю и учителю народов Советского Союза и трудящихся всего мира Иосифу Виссарионовичу Сталину 21 декабря 1939 года исполнилось шестьдесят лет.

Советский народ желает товарищу Сталину долгой жизни на счастье Советского Союза и на счастье угнетенных народов всех стран.

СТАЛИН

Сергей Михалков

Спит Москва, страны столица,
В этот поздний звездный час.
Только Сталину не спится —
Сталин думает о нас.

Много верных и отважных
Храбрецов стоит в строю —
Сталин думает о каждом,
Кто хранит страну свою.

Тот плывет на ледоколе,
Этот пробует летать,
Тот еще в начальной школе
Книги учится читать.

За горами, за долами,
В кишлаке своем родном,
Мальчик смотрит за стадами —
Сталин знает и о нем.

За Уралом, на Байкале,
Ты один живешь в избе —
Ты живи и знай, что Сталин
Не забудет о тебе.

Сталин знает неизвестных
Дочерей и сыновей,
Всех людей прямых и честных,
Верных родине своей.

XX 63
— II —

Лев Кассиль

Рисунки А. Брея

НА ТРЕХ СТРАНИЧКАХ

ПАРАД НА ПАРАДЕ

Сталина не было видно, когда Боря Строков скомандовал своим: «Приготовиться!» и опять взглянул на мавзолей. Только легкое облачко вилось за плечом Ворошилова, там, где раньше стоял Сталин. Голубоватый сквозной дымок растворялся в жарком июльском воздухе, и Боря догадался: это дымок из трубки Сталина.

Целый месяц мечтал Боря Строков, как поведет он по Красной площади свой батальон. Грохнут барабаны, запоют трубы, качнутся знамена — марш! И сам товарищ Сталин увидит его, Борю Строкова. А сейчас, как нарочно, товарища Сталина не было видно!

А команда уже дана, и знамена распушены — красные, голубые, зеленые. И солнце просвечивает сквозь шелк, то красное, то голубое, то зеленое солнце.

Мальчики и девочки стоят, как бойцы на параде, плечо к плечу. И ряды их отбрасывают тень,

такую же зубчатую и плотную, как тень Кремлевской стены.

Би-им, бюм-бум, бом-бэм-бам... — проиграли часы на башне.

Дирижер детского оркестра строго поглядел на своих музыкантов и взмахнул палочкой. И на весь белый свет грянул торжественный пионерский марш.

Третьим пошел батальон Бори Строкова. Незадолго до этого Боря заметил, как у гранитного барьера появился Сталин. Ворошилов показывал на площадь, на ребят. Сталин улыбался.

«Вот он сейчас смотрит на нас, — думал Боря, — наверно, и меня видит. Такой маленький, думает, а уж так хорошо командует».

Он выпятил грудь, что есть силы размахивал руками. Он забыл, что за ним идет его батальон, что он — командир. Он опомнился только тогда, когда чуть не наступил на пятки мальчику, который шагал в последнем ряду идущего впереди батальона. Еще секунда — и Боря врезался бы

в чужой батальон. Он с ужасом оглянулся и увидел, что его батальон остался далеко позади, ребята не могут поспеть за командиром. А командир совсем оторвался от своих, да и шагает уже не в ногу со всеми. У него зажгло уши и щеки, словно он с размаху в крапиву влетел. Боря сменил ногу, сделал шаг на месте, и батальон подтянулся к своему командиру. Но теперь он уже боялся взглянуть на мавзолей, где товарищи Сталин и Ворошилов, должно быть, заметили ошибку Бори.

Никогда ни один настоящий командир на параде не отбился бы так от своего отряда, как это нечаянно сделал Боря.

Ребята после очень сердились.

— Ты нам чуть весь парад не испортил, — нападали они на Борю. — Хорошо, что еще никто не заметил.

— Я все смотрел, смотрел на него и сбился нечаянно, — оправдывался Боря. — Ведь я не по сторонам смотрел, а только на товарища Сталина, про товарища Сталина думал.

И тут командир, настоящий командир, который готовил ребят к параду, командир дядя Гора, объяснил Боре, почему у него так получилось.

— Думать о Сталине, — сказал дядя Гора, — это значит делать свое дело как можно лучше. А ты вот как раз о деле своем и не думал, забыл про него. Вот и сбился с шагу. Ну, ничего. Потом сразу в ногу попал...

Так сказал дядя Гора, командир. И я записал его слова, чтобы передать вам.

ОЛЕСЯ ПРУЖАК

Уже накануне в селе стали говорить, что панам пришел конец: сам Сталин ведет Красную армию на помощь народу, и происходит великое чудо: где только ступит на панскую землю нога красного бойца, там земля пана навсегда становится землей для всех.

Шел дождь ночью. И где-то принимался бухать частый короткий гром.

Утром Олеся побежала за речку, поднялась на горку, прошла лесом и очутилась в ветренном поле. И тут Олеся увидела танки. На переднем шел велился красный флажок. Из танка высунулся человек в шлеме с красной звездой, весь одетый в черную блестящую кожу. Это был командир. Он увидел Олесю.

— А ну, иди сюда, не бойся! — крикнул он.

— Я и не боюсь совсем! — сказала Олеся и пошла к командиру. — Здравствуйте!

— Доброго здоровья! — проговорил командир. — Ты, девица-красавица, из Груденева?

— Из Груденевки.

— Ну, тебя нам и надо! — воскликнул командир.

Олеся посмотрела на него с недоверием. Из других танков высунулись люди в шлемах.

— Дядя, вы — Красная армия? — спросила Олеся.

— Мы — Красная армия.

— А где Сталин?

— Сталин в Москве, — серьезно сказал командир. — Он тебе кланяться велел. Тебя не Стасей звать?

— Нет, Олесей.

— Вот я же и говорю, не Стасей! Нам Стася ни к чему, нам именно Олесю и требуется.

— Так то, может, вам другую Олесю? У Балабовичей еще есть, Олеся тоже. А мы — Пружак.

— Вот, вот именно, Олеся Пружак! Она нам и требуется. Влезай сюда! — крикнул командир и протянул Олесе руку.

— Ой, я вам на слежу... у меня ноги сырые.

Командир одной рукой поднял Олесю и посадил ее в открытую башню танка.

— Ходу! — скомандовал он.

Все взревело кругом, задрожало, рванулось. Танки стремительно пошли к селу. Олеся сперва обмерла от такого грохота и разбега. Она вцепилась в скользкий кожаный рукав командира. Одной рукой он крепко обнял Олесю, а другой, наклоня против ветра, держал тугое знамя. И ни почем была для танков вязкая грязь! Машины сами на ходу подстилали себе железные половники: они без конца сбегали с обеих сторон танка вперед, на дорогу; машина мчалась по ним и забирала их с собой, швыряя глину.

Девчонка скоро освоилась.

— Ох, мы вас ждали, ждали! — крикнула она в ухо командиру.

— И давно вы нас ждали? — тоже закричал командир.

— Мама говорит, двадцать лет, а я — целый день вчера...

Навстречу бежали жители Груденевки. Они махали и всплескивали руками. Они смеялись и плакали. А дети скакали и танцевали босыми ногами в лужах и завистливо кричали что-то Олесе. Когда моторы замолчали, Олеся услышала, как ее отец говорил командиру:

— Встретили бы вас, дорогие люди, с хлебом-

солью... Только уж второй месяц сами соли не видим...

Вечером командир приказал наладить походный радиоприемник. Боец-радист укрепил на высоком ясене большой рупор. Народ собрался под деревом. Радист настроил аппарат. Испуганная галка сослепу залетела в рупор и выскочила оттуда, отчаянно махая на всех крыльями. Рупор зазвенел, и все услышали голос из Москвы.

Долго слушали люди. О дружных народах, о широкой земле, о вольном труде пела Москва. И многие еще по привычке озирались, не веря, что можно так громко говорить об этом.

Пошел дождь. Сперва слабенький, редкий, потом припустил. Но никто с места не сдвинулся. Все стояли и слушали.

Первый раз в жизни слушала Олеся радио. Не позволяли крестьянам заводить в селе приемники. Боялись, что станут слушать Москву.

Олеся привстала на цыпочки и вытянула шею, словно хотела заглянуть в черное отверстие трубы, из которой выходили московские слова.

Потом голос смолк, и раздались певучие удары: Би-им, бюм-бум, бом-бэм-бам...

Командир объяснил, что это бьют часы на кремлевской башне. Часы пробили двенадцать раз. Отгремела могучая музыка.

— Ну вот и всё на сегодня, — сказал командир. И народ стал медленно расходиться.

Скоро никого не осталось под деревом. Луна, хоронясь за тучами, тускло освещала опустевшую улицу. Чуть поблескивали, лопаясь, пузыри на лужах. Дождь усилился. Вдруг командир увидел у дерева Олеся. Она осторожно огляделась, нет ли кого поблизости. Командир стоял в тени от дома, и девочка не заметила его. Она ухватила за мокрые ветви. Вот она добралась до трубы. Дождь стучал в стенки рупора. Девочка дотянулась до него, всунула голову в самый раструб. Командир услышал ее торопливый, прерывистый голос.

— И от меня ему поклон, — говорила Олеся в трубу. — От меня поклон ему в Москве передайте... Скажите, от Пружак Олеси...

НОЧНЫЕ ЗАБОТЫ

В Москве есть большой дом летчиков. Там, на восьмом этаже, живет мой старый товарищ, военный летчик Григорий Васильевич. Из окна его комнаты хорошо видна вся Москва. Можно разглядеть Кремль. Горят на башнях красные звезды. А ночью, если ветер летит оттуда, тихо доносится бой часов на большой кремлевской башне:

Би-им, бюм-бум, бом-бэм-бам...

Жена Григория Васильевича умерла. Осталась у него маленькая дочка Лена.

Раз летчик пришел домой после занятий очень поздно. Видит — в комнате горит свет, нянька спит, а Лена лежит с открытыми глазами и смотрит вверх и считает, сколько надо одной мухе сделать шагов, чтобы весь потолок, от угла до угла, пройти.

— Ты что не спишь? И свет почему? — спрашивает Григорий Васильевич.

— Я проснулась и боюсь в темноте.

— Это что за новости? Спать сейчас же!

— А разве поздно уже? — хитрит Лена.

— Еще бы не поздно! Видишь, на улицах уже фонари потушили. Уже и трамваи на покой ушли. И все кондуктора спят давно. Даже под землей темно стало, в метро ток выключили. Все спят. Все!

— И Сталин уже спит? — спрашивает вдруг Лена.

Григорий Васильевич отвечает не сразу.

— Нет, — говорит он, — Сталин, вероятно, еще не спит.

— Да, — соглашается Лена, — Сталин, наверное, позже всех ложится... Папа, а когда он спит, и Ворошилов, и все тоже, кто ж тогда управляет всем?

— Не все спят ночью, — говорит летчик. — Вот сейчас часовые стали на посты. На кораблях моряки вышли на ночную вахту. В булочных пекари замесили тесто, чтоб к утру был для всех свежий хлеб. Рабочие в типографии печатают газеты, чтоб утром все узнали свежие новости. И товарищ Сталин видит — он не зря работал весь день: часовые на страже, моряки на местах, тесто подходит, печатные буквы выстраиваются в слова... А кому полагается спать, те спят и видят добрые сны. Значит, завтра у всех будут свежие головы, свежий хлеб, свежие хорошие новости. И когда товарищ Сталин увидит, что все делается, как надо, он тоже ляжет спать. Поняла?

— Поняла.

— Вот, а у нас с тобой до сих пор свет не потушен. И, наверно, видно наше окно из Кремля... И там...

Он не успел договорить.

— Папа, давай потушим скорей свет! — прошептала Лена и уже заранее закрыла глаза. — А то, может быть, правда, он там видит, что у нас все свет, и он беспокоится, что не все спят, и сам не ложится.

И в комнате на восьмом этаже в доме летчиков погасили свет, чтоб из Кремля было видно, что все делается, как надо, и Лена сейчас заснет.

А. Барто

Рисунки М. Михаэлис

ИМЯ

У нас такие новости!
У нас родился брат!
Обрадовалась бабушка,
И я, конечно, рад.

Я буду брата младшего
Учить по букварю,
Ему в подарок, может быть,
Конструктор подарю.

Мы в солнечную комнату
Поставили кровать.
Мы очень долго думали:
„А как его назвать?“

Но вечером узнали,
Что все уж решено,
Что мама имя выбрала
Для мальчика давно.

— Давно я имя выбрала,—
Она сказала нам.—
Я в честь родного Сталина
Ребенку имя дам.

Стоял я возле мальчика,
Смотрел я на него.
Еще ему не минуло
Почти что ничего.

Его купает бабушка
И на руки берет.
Каким еще он вырастет,
Нельзя сказать вперед.

Такое имя дать ему,
Такому малышу?!
— Нет, подождем немножечко,—
Я маму попрошу.—

Пускай пока он учится.
А вырастет большим—
Посмотрим, что получится,
И всё тогда решим.

А мама улыбается
И говорит в ответ:
— Спасибо сыну старшему,
Спасибо за совет!

Но это имя выбрано
Одно из всех имен.
С таким хорошим именем
Хорошим будет он.

И утром я от радости
Кричал на всю Москву:

— Я самым лучшим именем
Братишку назову!

Мы это имя выбрали
Одно из всех имен.
С таким хорошим именем
Хорошим будет он!

У нас братишка маленький,
Ему четыре дня!

И даже все прохожие
Поздравили меня.

С. Погореловский

Рисунок Т. Шевченко

ТОВАРИЩИ МОИ

Я сосчитать до ста могу,
Помножить пять на пять...
Но всех моих товарищей
Никак не сосчитать!

И день считай,
И два считай,
И всё не сосчитать!

Я встану рано,
В сад пойду.
Часов, наверно, семь,
А дворник снег метет в саду:
— Давно тебя я, парень, жду,
Соскучился совсем!

Подсыпал горку я твою,
Полил ее водой...

Я очень
Дворника люблю —
Он добрый и седой.

Иду на улицу.
Мороз.
Погодка хороша!
Гляжу:
А новый дом
Подрос
На четверть этажа!

И ночью, значит,
Люди
Работают,
Не спят.
Так вот какой
Он будет,
Мой новый
Детский сад!

Просторный
И красивый,
С балконом голубым...
Бетонщикам
Спасибо,
И плотникам
Спасибо,
И малярам
Спасибо,
Товарищам моим!

— А как через дорогу
Пройти к ребятам
В сквер?
Поможешь мне,
Товарищ
Милиционер?

Смотрите,
Он заметил!

Он руку мне дает...
А в сквере
Солнце светит
И радио поет.

И кружится
Над сквером
Военный самолет.
То летчик мой,
Готовый
Врагов страны
Громить.
Товарища
Такого
Ну как мне
Не любить?

Я сосчитать до ста могу,
Помножить пять на пять...
Но всех моих товарищей
Никак не сосчитать!

Они везде,
Им счета нет,
Мои друзья вокруг.
И знаю я —
Живет в Кремле
Мой самый лучший друг.

Рисунок Н. Гембицкой

ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ «МУРЗИЛКИ»

Дорогие друзья!

Погодите читать! Взгляните сперва в окно. Посмотрели? Увидели, должно быть, дома, улицу, фонарный столб, а может быть ближний парк или школу? А возможно, что и кино видно из вашего окна? Или магазин, столовую, библиотеку, театр, больницу? Может быть, автобус и трамвай промчались мимо вашего окна, пока вы смотрели на улицу? Или провезли свежий, горячий хлеб в булочную? Кто знает! Нам отсюда не видно, что можно разглядеть из вашего окна. А у вас, может быть, видно даже милиционера на углу...

А подумали вы, ребята, кто заведует улицами, кто заботится, чтобы в парке не ломали деревья и подметали дорожки? Кто следит, чтоб в домах было чем топить печи зимой, чтоб вечером зажигали фонари, чтоб в больницах хорошо лечили, чтоб в школах хорошо учили, в кино во-время начинали, а в булочной всегда был вкусный хлеб? И кто поставил милиционера на ближнем углу?

Обо всем этом позаботился ваш совет. Городской, районный, сельский или поселковый совет депутатов трудящихся.

Наша страна называется Страной Советов.

Нашей страной управляет советская власть. Недавно все народы Советского Союза выбрали самых лучших людей в Верховный Совет СССР. Потом каждая республика нашего Союза выбрала свой Верховный Совет. А скоро ваши родители, старшие братья и сестры, все граждане станут выбирать депутатов в местные советы — в советы областные, краевые, районные, городские, сельские, поселковые. Право народа создавать эти советы и выбирать в них охраняет Сталинская Конституция.

Все богатства нашей страны, поля, заводы, леса, горы, парки, пруды — все в нашей стране принадлежит народу. Народ — хозяин нашей страны. И сам народ выбирает таких людей, которым можно доверить хозяйство нашей страны, наших городов, наших сел. Только в нашей Советской стране весь народ сам выбирает тех, кого он хочет видеть у власти. И в местные советы народ выберет людей, которые всем сердцем преданы делу Ленина — Сталина. В советы выберут таких людей, которые любят свою родину, свой город, свое село и сумеют горячо заботиться, чтоб трудящимся жилось хорошо, культурно, сытно и весело.

ПЕСНЯ СЫНА

Эмиль Мадарас

Перевел с венгерского С. Левман

Мы с отцом
Гуляем по бульвару
И ведем
Веселый разговор.
Мимо нас
Идет по тротуару
Загорелый,
С орденом
Майор.
Не спешу я
Отступать подальше,
Не стою пугливо в стороне,
Как стоит, робея, бедный мальчик
Где-нибудь в венгерской стороне.

Мне всегда
В автобусе,
В трамвае
Уступают место у окна.
Вся Москва —
Красивая, родная —
Из окна отлично мне видна.
В цирке я бываю
Вместе с мамой,
А с отцом хожу
На стадион.

Мы не негры в штате Алабама.
Никуда нам вход не воспрещен.

Наш район —
Просторный и веселый,
И знаком я с нашим постовым.
Каждый раз,
Когда бегу из школы,
Весело здороваюсь я с ним.
Не боюсь я
Полицейской пули,
Мне не страшен
Желтый самурай.

Ведь отец мой — не китайский кули
В городе, по имени Шанхай.

Зимней ночью
Мирно сплю я дома,
В комнате своей
Прикрывши дверь.
Не блуждаю
По лесу густому,
Как уставший от погони зверь.
Не хожу
Голодный и раздетый.
Не хожу
С сумою на порог.

Мы с отцом живем в Стране Советов,
Мой отец — стахановец метро.

Хорошо мне, радостно учиться,
Все вокруг на помощь мне спешат.
Мне Мария Демченко —
Сестрица,
Алексей Стаханов —
Старший брат.

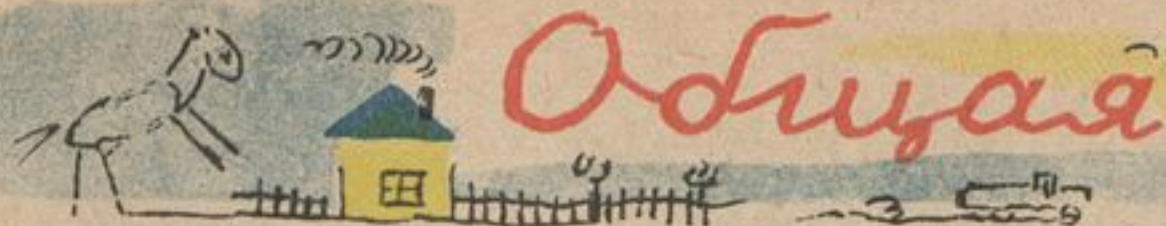
Рисунок Н. Гембицкой

Вся страна —
От края и до края —
Как родная милая семья.
Вот она — могучая, большая,
Родина прекрасная моя!

Барчуков
Я видел раз в газете.
Ведь у них
Лишь только важный вид.
Я живу
Счастливей всех на свете.
Будущее мне принадлежит!
Я расту
Свободно и привольно,
Родины великой верный сын.

Я — москвич, простой советский школьник,
Мой отец — советский гражданин.

тетрадь

У меня есть брат, он ученик четвертого класса и учится очень плохо. Как-то мы все сидели за столом, и бабушка сказала:

— Для вас строят школы, чтобы вы стали учеными, а вы не цените этого и плохо учитесь.

Тут она глубоко вздохнула, и на глазах у нее показались слезы.

— А мы учились в плохих школах и за деньги. Выполняли там после учебы всякую работу. За всякий пустяк били линейкой по голове и часто ставили на колени на горох. С десяти лет я пошла работать по людям — подметать, ходить за водой и носить дрова.

Тут она вытерла слезы и продолжала говорить:

— О вас заботится сам отец Сталин и большевики. И вы должны учиться на „отлично“ и „хорошо“.

После этого мой брат стал учиться хорошо. И мы часто просили бабушку, чтобы она рассказала, как она училась раньше.

Лидя Селезнева, Москва.

ЕЛОЧКА

Серебром и золотом елочка блестит,
И огнями яркими елочка горит.
Мы раскрыли двери: дед Мороз идет,
Детям он подарки разные несет.
Мы сегодня елочку нарядную зажжем,
Мы сегодня весело свой праздник проведем!

Оля Поташник, Москва.

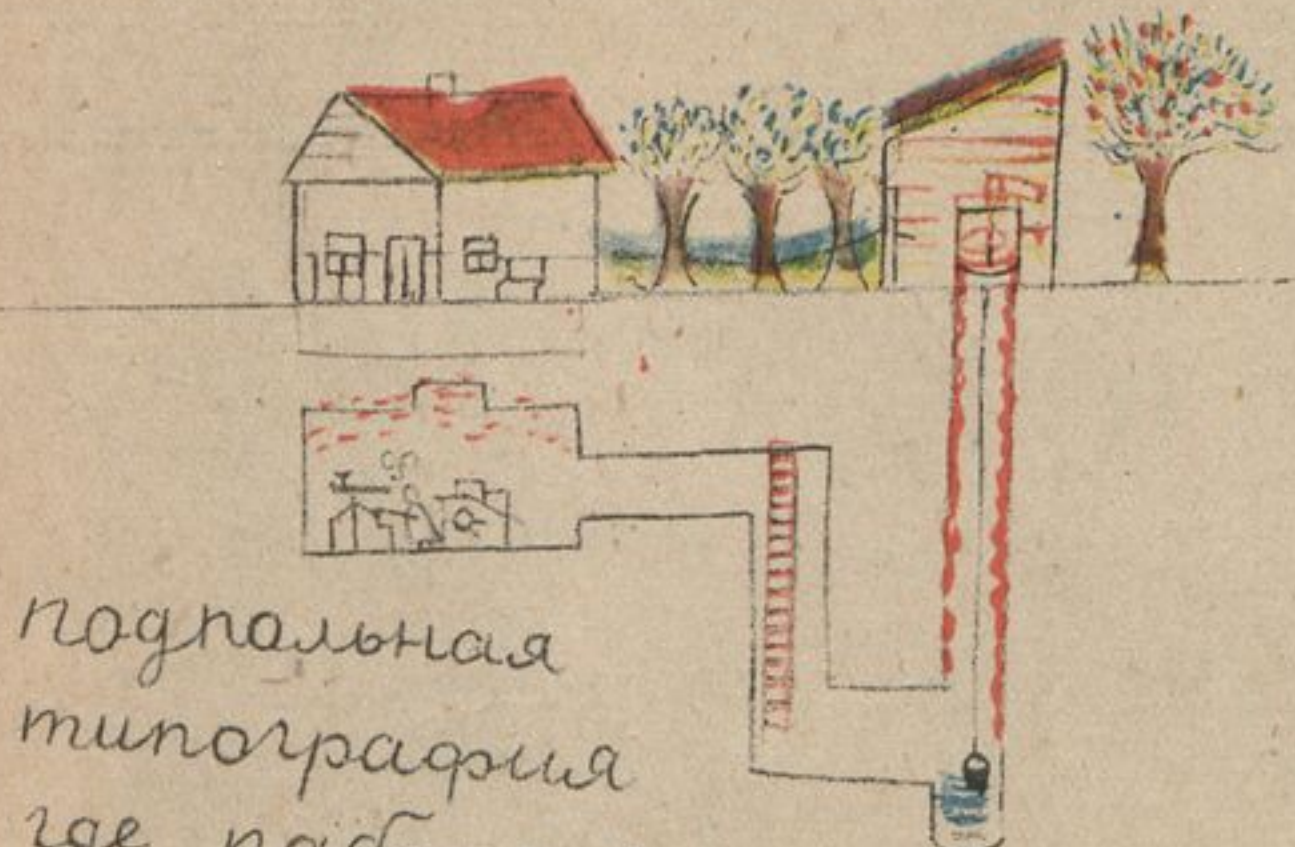
Я БЫЛ НА ВЫСТАВКЕ

Часто бабушка рассказывала мне и сестре Варе, как тяжело жилось раньше, до революции. Семья была у бабушки большая, а земли мало, да и ту нечем было обрабатывать. Часто ели черный хлеб пополам с древесной корой. Кожаной обуви ни у кого в селе не было. Редко кто из деревенских ребят учился в школе. Отец тоже в школу не ходил — его отдали к кулаку пасти свиней.

Совсем по-другому живем мы теперь. У нас все есть. Все дети колхозников учатся в школе.

За ударную работу колхоз премировал отца поездкой в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Он взял с собой меня и Варю. На выставке я увидел, что в других колхозах нашей страны люди живут еще лучше, чем у нас, еще богаче. А еще я там увидел, как богата и велика вся наша страна.

Митя Митряшов, село Вяземки
Архангельской обл.

подвальная
типография
где работал тов. Сталин

Рисунок Вани Бадинова, 8 лет, Тбилиси.

БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ

У нас в семье большая радость: мою сестру наградили орденом Трудового Красного Знамени. Она давно работает в сельской школе учительницей. Однажды утром почтальон приносит газету. Папа развернул ее и прочитал постановление правительства о награждении нашей Маруси. Мама расплакалась от радости. Мы послали сестре поздравительную телеграмму.

Недавно она приезжала к нам в гости вместе с дочкой Ирой. Она рассказывала нам, что получает письма со всех концов Союза: ее поздравляют, расспрашивают, как она ведет занятия в школе, любят ли ее ребята. В гости к ней приезжают ее бывшие ученики, которые теперь уже выросли.

Слава Васильев, г. Краснодар.

БАБКА ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ
ВСТРЕЧАЕТ КРАСНУЮ
АРМИЮ.

Рисунок Юли Шишмаревой, 7 лет, Москва.

С. Маршак

Рисунок Е. Астафьевой

Распахнула
Украина
Пограничные
Ворота,
Пограничные
Ворота
Распахнула
Беларусь.
Мы увидели за ними
Нивы, реки и болота —
Те, что были нам родными,
Те, что знаем наизусть.

Грудью двигая границы,
В Молодечно,
Ровно,

Дубно
Входят наши пехотинцы,
Мчатся конные полки.
И встречают их любовно,
Принимают дружелюбно
Белоруссы, украинцы,
Молодежь и старики.

На ходу красноармеец
Поднял на руки ребенка,
Босоногого парнишку,
И сказал ему: — Не трусь,
Не смущайся, голопузый,
Будешь ты студентом втуза,
Первым форвардом Союза
Будешь, маленький Петрусь!

ДВЕНАДЦАТЬ ПОЛЕНЬЕВ

Рассказ
Н. Григорьева

Рисунки
В. Житенева

Знаете, конечно, что такое бронепоезд? Крепость на колесах. Вагоны, паровоз сверху донизу обтянуты броней. Вместо окон — узкие щели. В стенах — потайные бронированные дверцы. А тут еще башни с пушками, пулеметы во все стороны глядят... Не подступиться!

И все-таки попали мы раз к белогвардейцам в западню, да так увязли, что не надеялись и выбраться. Говорю, как командир: если бы не Паша Сироткин, наш пулеметчик, погибли бы мы все. И не слушать бы вам сейчас этого рассказа, а мне не рассказывать...

Был бой. Белогвардейская конница прорвалась через наш фронт — и пошла разбойничать: жечь деревни, грабить крестьян, убивать мирных жителей.

Налетели белогвардейцы и на станцию, где в тылу стоял бронепоезд.

Мы их, конечно, встретили, как полагается. Со станции под нашими пулеметами они не знали, в какие ворота и выскочить.

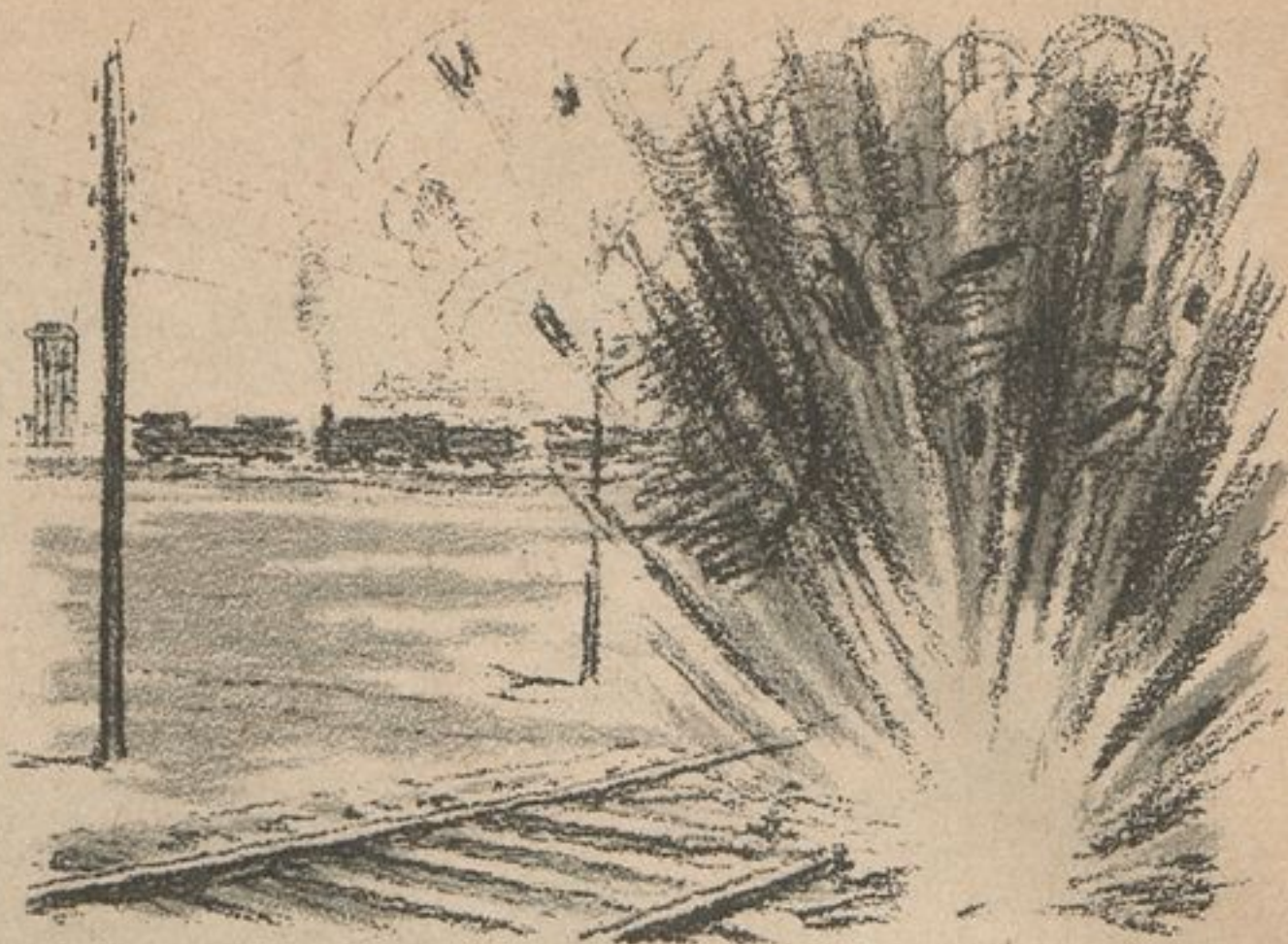
Но дело не в этом. Надо вам сказать, почему на станции мы в этот день стояли, а не на позиции. Снарядов из тыла ждали: снарядов не было, чтобы в бой итти, — вот какое дело!

Вышвырнули мы белогвардейцев со станции, а они опять суются — с одной стороны, с другой... Артиллеристы мои прямо зубами скрежещут: ни снаряда, чтобы угостить налетчиков! Пустые пушки в башнях для острастки поворачивают...

А белых все больше... Все смелее нападают.

Тра-та-та... тра-та-та... Только и успевают отстреливаться мои пулеметчики. Жарко приходится! Держимся на одних пулеметах.

Вдруг грохот позади поезда и столб дыма на рельсах. С пути, как воры, метнулось несколько конников.

Мои пулеметчики и выстрелить не успели, как те скрылись в лесу.

— Спокойно, — говорю, — товарищи, спокойно! Путь отрезан, но мы сейчас починим.

Успокаиваю бойцов, а сам вижу — западня: белогвардейцы подвезли пушки и наводят на нас.

Сейчас начнут расстреливать бронепоезд. Клочьями полетит наша броня... И деваться некуда.

Жду... Бинокля с пушек не свожу... Нет, что-то молчат пушки, не торопятся.

В бою зевать нечего. Приказываю:

— Путь чинить!

Запасные рельсы у нас были всегда с собой.

Выносим рельс — штука тяжелая; толпой взялись — а белые тут и грохнули из пушек... Вот они чего ждали: чтобы люди показались!

Пошло нас семеро, а в вагон вернулось трое. Четверых на руках принесли.

Пулеметчики кинулись к пулеметам:

— Держись, бандиты!

А стрелять-то и нечем: кончились в лентах патроны...

Помрачнели бойцы. Головы повесили...

— Эй, белогвардейцы! — закричал кто-то через люк наружу. — Наводи пушки, кончай бронепоезд! Твоя взяла!

Я велел закрыть люки.

— Попусту, — говорю, — языками, товарищи, треплете. Белым теперь нет расчета уничтожать бронепоезд. Уйти мы не уйдем — путь испорчен, и стрелять нам нечем — это они уже поняли. Белые на-

деются целеньким захватить бронепоезд.
— Не бывать этому! — заволновались бойцы. — Рельс ставить! Пусть всех перебьет, а поставим рельс! Машинист еще есть на паровозе. Машинист выведет бронепоезд...

— Правильно, — говорю, — бойцы! Идем!

Я распахнул бронированную дверцу.

— Обождите, товарищ командир! Ни за что погибнете.

Это остановил меня Паша Сироткин.

— Обождите, — повторил он и забормочил что-то сам с собой.

Бормочет и катает по полу свой пулемет взад-вперед, взад-вперед, будто это тачка какая-нибудь.

Бойцы переглянулись: неладно что-то с нашим Пашей...

— Обождите, — опять сказал Паша, да и выпрыгнул в дверцу.

Я — за ним.

Только мы выскочили — бах! бумм!.. — грохнули белогвардейские пушки.

Но мы с Пашей кубарем в канаву и притаились.

Я шепчу:

— Паша, куда ты?

А он знай ползет вдоль канавы.

Подполз к паровозу.

— Машинист! — кричит. — Какие у тебя дрова?

Машинист даже не сразу ответил. Этакую глупость человек спрашивает!

Но, слышу, заговорил машинист из своей бронированной будки.

— Осина, — говорит, — береза есть, сосна... А тебе не все равно?

Паша опять:

— А может быть, дубовые полешки есть? Поищи, товарищ, дубовых полешек, пожалуйста...

Вздыхнул машинист и загремел на паровозе дровами.

Одно дубовое полено выбросил в ка-

наву, другое... Паша так и сцапал их, прижал к себе.

Еще полено шлепнулось в канаву, еще... Накидал так машинист двенадцать дубовых поленьев.

— Хватит, — сказал Паша и тихонько засмеялся.

Потом пополз дальше с поленьями.

Я — за ним. Ташу остальные поленья.

— Паша, — говорю, — да что ты такое задумал?

Паша свое:

— Обождите.

А сам ползком-ползком к испорченному рельсу...

Гляжу — Паша поленья накладывает рядком, рядком в то самое место, где кусок рельса нет.

И знаете что? Вывел Паша бронепоезд из плена.

Так поезд и прошел: одной стороной по исправным рельсам, а другой стороной, где рельс был испорчен, колеса поезда прокатились по крепким дубовым поленьям.

В тот же день подошедшая на выручку наша кавалерия окружила белогвардейских головорезов и уничтожила.

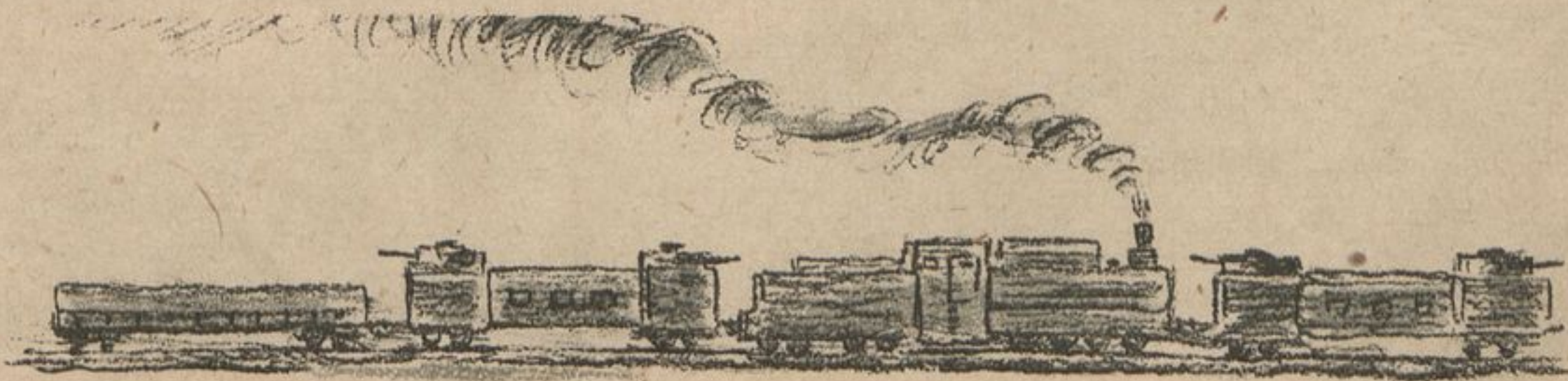
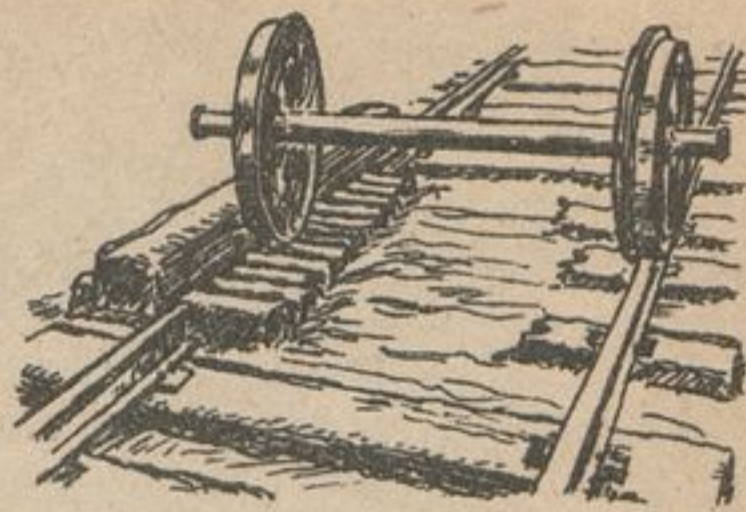
Тут уж и бронепоезд поработал: были теперь и снаряды и патроны!

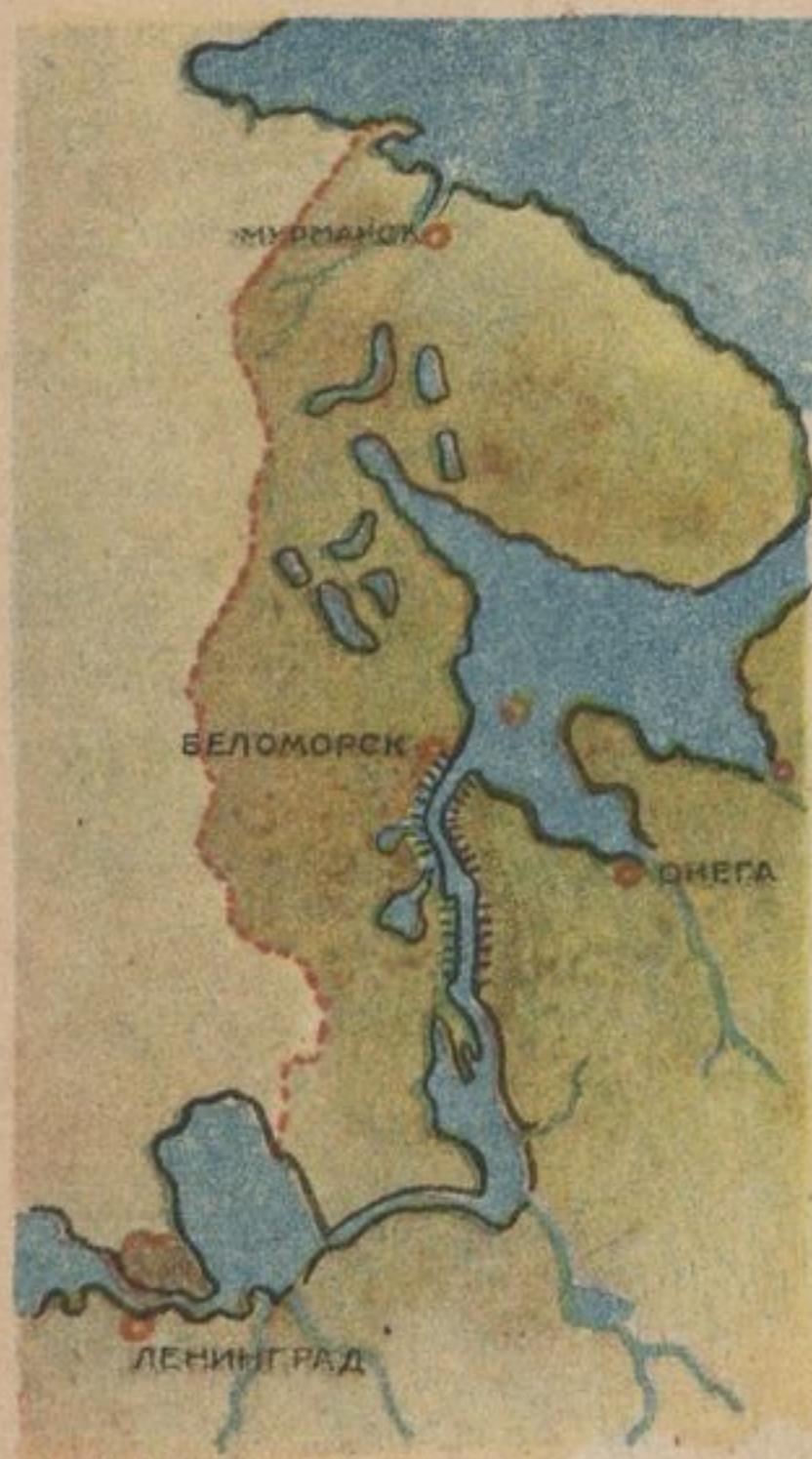
После боя ребята окружили Пашу, стали допытываться, как это он такую ловкую штуку придумал с поленьями.

Паша рассказал.

Он работал прежде в шахте откатчиком. Вывозил из-под земли в вагончике уголь. А хозяин шахты был скупой: пожалел рельсы купить, и Паша катал вагончик по деревянным брускам.

В бою Паша и вспомнил скупого хозяина.

М. Поляновский

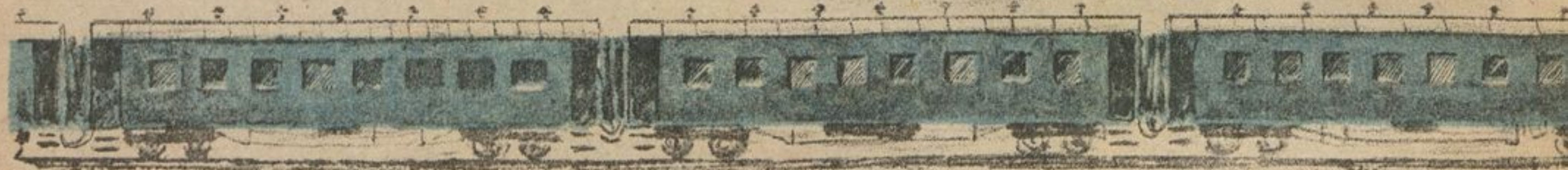
В этом году в Арктику вышел самый большой ледокол арктического флота.

„Иосиф Сталин“ — написано на борту нового корабля. Он прошел через льды всего Северного Ледовитого океана до Тихого океана.

Весь путь — через пять полярных морей, через ледовые барьеры и штормы — „Иосиф Сталин“ прошел в очень короткий срок.

Беломорско-Балтийский канал имени товарища Сталина открыл пароходам прямой путь из Ленинграда в Белое море. Раньше, чтобы попасть в Белое море, приходилось огибать Скандинавский полуостров и тратить на это четыре-пять дней.

Канал, носящий имя товарища Сталина, позволяет нашим кораблям проделать весь путь по советской воде. Водная дорога в 227 километров была построена среди лесов, гор и камней Карелии в очень короткий срок — двадцать месяцев.

С именем Сталина мчится по нашим железным дорогам мощный паровоз „ИС“. Он может развить скорость от 120 до 150 километров в час, почти вдвое больше, чем другие паровозы.

Рядом с этим паровозом все другие паровозы кажутся маленькими.

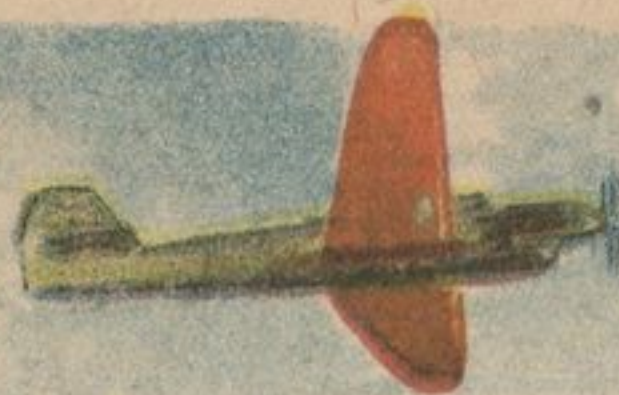
Самый большой колхоз на Украине носит имя Сталина.

Он находится в Геническом районе Днепропетровской области. Это очень богатый и большой колхоз. На коневодческой ферме колхоза 400 лошадей. В колхозе 900 голов крупного рогатого скота, 7 тысяч овец, 600 свиней. Этот колхоз награжден орденом Ленина.

С именем Сталина вступали в бой с врагами нашей родины бойцы Красной армии. Разбиты вдребезги японцы у озера Хасан и у озера Буир-Нур.

Изгнаны польские паны — угнетатели трудящихся. С именем Сталина начали по-новому строить свою жизнь рабочие и крестьяне Западной Украины и Западной Белоруссии.

В 1936 году товарищ Сталин дал задание великому летчику Чкалову проложить воздушный путь от Москвы до Петропавловска на Камчатке.

Сталинский маршрут был совершён.

С именем вождя Герои Советского Союза Чкалов, Байдуков и Беляков пролетели без посадки 9374 километра, побив мировой рекорд дальности полета по прямой.

Имя Сталина носит ряд городов нашей страны: Сталинград на Волге, город Сталино в Донбассе, Сталинабад — столица Таджикской Советской Социалистической Республики, Сталинск в Сибири, Сталинир — центр Юго-Осетинской автономной области.

Во время первой пятилетки около Сталинграда был построен большой тракторный завод. Тракторы марки „Сталинец“ делают на этом заводе.

Именем Сталина названа самая высокая горная вершина в СССР.

Пик Сталина, находящийся в центре Памира, имеет 7495 метров высоты. Он выше Эльбруса. Его вершины впервые достиг в 1933 году заслуженный мастер альпинизма Евгений Аболаков. Два года назад восхождение на пик Сталина повторили еще пять советских альпинистов.

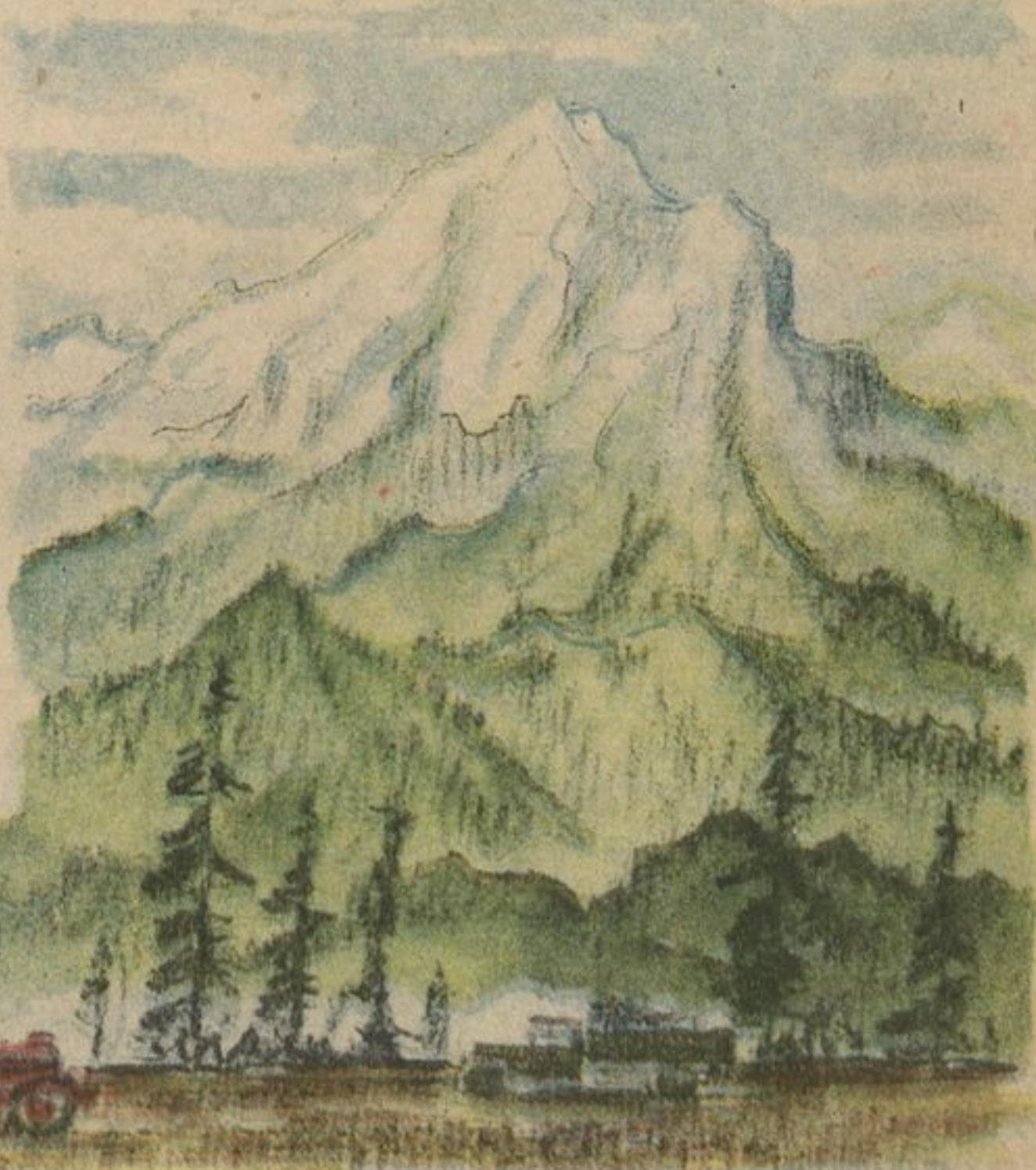
Кто не знает красивых семиместных автомобилей марки „ЗИС“! Когда эти машины появились в Западной Украине и в Западной Белоруссии, освобожденных Красной армией от польских панов, тамошние ребята восторженно кричали:

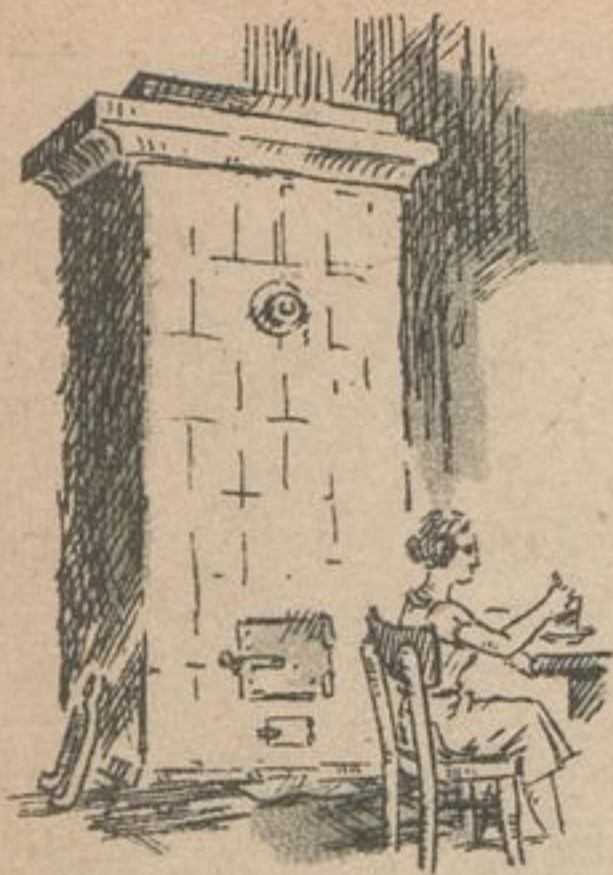
— Глядите, „ЗИС“ прикатил! „ЗИС“!

Их спросили:

— Знаете ли вы, ребята, что значит слово „ЗИС“?

— Знаем, — ответили они: — завод имени Сталина в Москве.

Рассказ пещки

М. Ильин

В комнате было тихо. Все вещи молчали. Не молчала одна только печка в углу. Позванивая дверцами, она гудела и трещала на разные лады, наполняя шумом всю комнату.

— Много шуму, а толку мало, — сказала шуба, которая висела недалеко от печки на гвозде. — Вот я грею без треска, без дыма, без сажи и все же не хвастаюсь, а молчу.

Печка вся вспыхнула и громко затрещала в ответ:

— Как? Что? Какая-то шуба смеет себя сравнивать со мной! Да разве шуба греет? Я так и горю от возмущения, когда слышу, как шубу называют теплой. Пора, наконец, запомнить, что не шуба греет человека, а человек шубу. Шуба сама тепла не дает, она только, как сторож, бережет чужое тепло. А вот у нас, у печей, тепло не чужое, а свое собственное. В нас горит огонь, а что может быть горячее огня?

Хотела бы я знать, что люди делали бы без печей! Они сидели бы голодные и холодные. У них не было бы и куска хлеба, потому что хлеб пекут в печах. У них не было бы ни топора, ни ножа, ни котелка, потому что и топор, и котелок, и нож сделаны из железа, а железо плавят в печи. У них не было бы ни кирпича, ни фарфора, потому что для обжига и кирпича и фарфора нужна печь.

Возьмите любую вещь: стакан, который стоит на столе, книгу, которая лежит рядом с ним. Стакан сделан из стекла, а стекло сварено в печи. Книга сделана из бумаги, а бумага сделана из дерева, а дерево срублено топором, а топор сделан из железа, а железо выплавлено в печи!

Рисунки Л. Захваткина

В любом деле людям приходится танцевать от печки.

Без нас, печей, не было бы железных дорог, потому что у каждого паровоза под паровым котлом топка. Без нас, печей, люди не могли бы плавать по морям, потому что топка есть и на пароходе.

Одним словом, без нас, печей, человек не мог бы жить по-человечески.

Надо вам сказать, что печей много и у каждой свое имя. Меня, например, зовут «голландской» печью или попросту «голландкой». А вот в деревне у меня есть сестра, которую зовут «русской» печкой. Она такая толстая, что одна занимает полдома. Но толще и выше всех наша сестрица — домна, которая работает на заводе. Эта не поместилась бы и в самом большом доме — такая она громадная. Из всех сестер она самая работающая: работает в три смены, без отдыха. День и ночь выплавляет она из руды чугун.

Всех нас, печей, и не перечесть. И все мы происходим от одного общего предка — от очага первобытного человека.

Предок наш, очаг, был мало похож на печь. Это был просто костер, но только такой костер, который раскладывали не на воздухе, а под крышей дома. Дом был тоже не похож на тот, в котором мы сейчас находимся. Когда строили дом, сначала рыли большую яму. Потом эту яму перекрывали жердями и ветками, а поверх жердей и веток опять насыпали земли. Для защиты от ветра дом ставили не на открытом месте, а под навесом скалы или у входа в пещеру.

Самое почетное место в доме отводили огню. Его зажигали посреди ямы.

А чтобы он не разбежался по сторонам, его окружали большими камнями. Вот и получался очаг. Дым уходил в дыру, которая была проделана в кровле. Через эту дыру и влезали в дом. Было, значит, время, когда в дом входили не в дверь, а в дымовую трубу. В этом земляном доме не было ни столов, ни стульев. Сидели люди на камне и костях мамонта, которые положены были вдоль стен. Зато картины в доме уже были: на каменной стене, к которой была прислонена землянка, люди рисовали красной и черной краской бизонов, лошадей и мамонтов.

Сейчас наш хозяин не согласился бы и часа пробыть в первобытной землянке — так в ней было дымно и тесно. А тогда в такую землянку набивалось человек тридцать. Здесь при свете очага опытные мастера выделывали из кости и рога гарпуны и наконечники для копий. Женщины шили одежду из шкур костяными шильями и иглами. Ребята возились за неимением игрушек с какой-нибудь лошадиной челюстью.

Ветер заносил снегом берега реки, над которой жили в землянке люди. Вокруг было мрачно и неуютно. И только в землянке, которая примостилась к скалистому берегу, как большая муравьиная куча, было тепло и светло.

Кто же давал людям тепло и свет? Мой предок — очаг.

Очаг работал один за всех: он служил и печкой, и свечкой, и кухонной плитой.

Прошло много тысяч лет, прежде чем очаг превратился в настоящую печку. Впрочем, наши бабушки, первые печки, еще очень похожи были на древний очаг. Трубы у них не было. Дым уходил из дома в окно или в дверь. Во время топки приходилось открывать дверь на улицу.

Чтобы спастись от дыма и холода, ребяташки укладывались среди бела дня спать, укрывшись с головой тулупом. Изба делалась от дыма черной, закоптелой. Ее так и называли «черной» избой или «курной», оттого что была она вся прокурена дымом. Дымовая труба появилась не так давно, всего лет семьсот тому назад. А печная дверца совсем молоденькая. У моего старшего брата — камина — дверцы нет и сейчас.

Из всех домашних печей лучше всех я, голландская печь. У меня есть и труба, в которую уходит дым, и поддувало, в которое входит воздух. Под ногами у меня медный лист, словно коврик, а дверца моя блестит так, что в нее можно смотреться, как в зеркало. В комнате я — украшение. Хозяйка перед каждым праздником моет мое белое кафельное платье.

Когда меня топят зимой, хозяин греет около меня спину и меня похваливает.

— Скоро вам, печам, конец, — пробормотала в меховой воротник шуба, которая все время молчала. — Заменят вас всех паровым отоплением.

— Ну и глупая же ты! — сказала презрительно печка и даже подражала шубу языком огня. — А разве паровое отопление — не та же печка? Конечно, печку эту не увидишь в комнате. Но зато ее тепло чувствует каждый. Стоит эта печь в подвале и одна обогревает целый дом. День и ночь топят ее истопники. Горит в печке огонь и кипятит воду в котле. А из котла пар разносит тепло по всем этажам, по всем комнатам.

Но пора мне и на покой. Дрова я сожгла добросовестно, головешек не оставила. Пусть приходит теперь хозяйка и закрывает мою трубу. Не люблю я тратить тепло попустому.

Печка говорила все тише и тише. Голос ее изменился, стал слабым и звенящим. Это звенели в ней последние угольки.

Макс Поляновский

Рисунки Н. Машковой и В. Вермель

ПРОГУЛКА ПО ВЫСТАВКЕ

Ходили мы вместе с художниками по Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, видели там много чудесных дворцов-павильонов, а в них — много интересных вещей.

Я о них записывал, художники их зарисовывали.

День ходили мы по выставке, другой ходили, третий и четвертый.

Собралось у нас множество записей и рисунков.

Там, на выставке, всяких диковинок не перечесать. Чего мы только не видели! От грузового автомобиля, который восемь тонн груза поднимает (это почти пятьсот пудов), до мехового мяча. Вот мяч так мяч! Весь в узорах, а узоры на нем из меха оленей,

нерпы, медведя и собаки.

Если написать обо всех замечательных экспонатах нашей выставки, нам и десяти номеров «Мурзилки» нехватит.

Поэтому не взыщите, ребята, за то, что мы с художниками расскажем лишь о немногом, виденном во время прогулок по выставке.

Каждому из вас знакомо имя замечательного ученого — Ивана Владимировича Мичурина, великого русского садовода.

Он вывел свыше ста новых сортов плодовых и огородных растений, новые северные зимующие сорта винограда и многое другое.

На выставке имеется мичуринский сад. В центре его находится памятник великому садоводу.

Мы видели удивительные деревья: они не растут вверх, а стелются по земле. Их стволы и отягощенные плодами ветви распластались понизу. Яблоки, груши, сливы растут на ветвях стелющихся деревьев.

Это сибирский фруктовый сад. Его так и называют: стелющийся сад.

Такие сады созданы не природой, а человеком. Для чего человек заставил деревья расти, лежа на земле? Для того, чтобы иметь возможность выращивать фрукты в холодной Сибири. Зимой там сильные морозы. От них гибнут нежные фруктовые деревья. Когда дерево растет ввысь, его не прикроешь ни соломой, ни снегом.

Один из последователей Мичурина, сибирский профессор Кизюрин, придумал, как уберечь фруктовые деревья от морозов.

Он брал однолетние плодовые деревца и сажал их с уклоном 45 градусов в южную сторону. Дерево росло, и его искусственно пригибали, чтобы ствол находился не ниже десяти сантиметров от земли.

Так появились в Сибири десять лет назад стелющиеся сады.

На зиму их прикрывают соломой, заваливают снегом, и лютый мороз не может повредить фруктовым деревьям.

Благодаря стелющимся садам у сибиряков имеются теперь свои собственные хорошие сорта яблок, груш, слив, даже винограда.

В одном из залов павильона «Сибирь» иногда раздается грохот, несущийся сверху, как бы с потолка. Подняв голову, вы видите проходящий вдоль стен сибирский экспресс. Он состоит из десяти вагонов.

Все, чем богата Сибирь, представлено в этом поезде.

Первый вагон нагружен хлебом, второй — металлом, третий — везет тракторы «челябинец». В

четвертом вагоне — золото, в пятом — уголь, в шестом — лес, в седьмом — рыба. В восьмом вагоне — лен, пушнина и шерсть, в девятом — мед, а в десятом — сыр, мясо, масло.

Японские самураи спят и во сне видят нашу богатую Сибирь. Уж очень их все тамошнее добро волнует. Но не увидят врагам Советской Сибири, как ушей своих!

— Какой изумительный стол! — восклицает всякий, увидевший этот письменный стол.

— Он блестит, как зеркало! — восклицает один.

— Какими красками нарисованы на нем чудесные узоры? — спрашивают другие.

Этот искусно отполированный стол составлен из 185 тысяч деревянных частичек разных пород: дуба, ореха, груши, яблони, карельской березы. Цветные узоры сделаны без помощи красок: они собраны из маленьких кусочков дерева, которые самой природой окрашены в различные цвета.

Десятки тысяч деревянных частичек так мастерски скреплены между собой, что кажутся единым целым.

Этот привлекающий общее внимание письменный стол сделали колхозники Орлов, Вольский и Шубодеров из колхоза «Красноармеец» Могилевского района.

Они подарили его товарищу Сталину.

В центр стола вделана из деревянных частичек надпись на белорусском языке:

«Вождю и другу трудящихся Иосифу Виссарионовичу Сталину от белорусского народа».

Стол этот находится в павильоне Белоруссии.

Пришли мы на участок, который называется «Новое в деревне».

Здесь увидели много красивых зданий: сельсовет, колхозный клуб, машинно-тракторную станцию, ясли, новую двухэтажную школу.

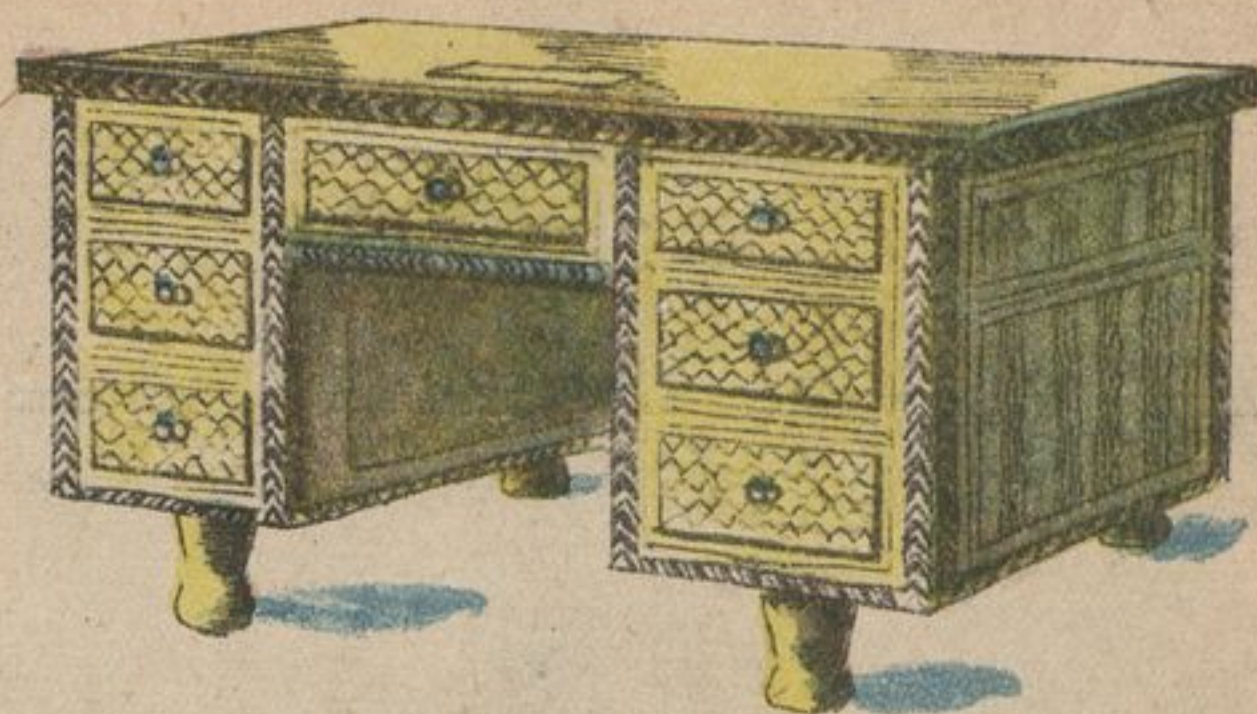
В одном из просторных классов этой школы сидела молодая учительница. Она давала объяснения экскурсантам, показывала письменные работы учеников.

Зашли в класс иностранные туристы.

— Неужели в советских селах строят такие хорошие школы, как эта, на выставке? Как вы полагаете? — сказал один иностранец другому.

Учительница знает французский язык. Она поняла этот вопрос и сказала переводчику:

— Передайте, пожалуйста, иностранным гостям, что школа, которую они сейчас осматривают, немного устарела. Такие школы строили в наших селах до 1936 года. У нас в селе школа получше, ее построили в прошлом году. В нашей школе классы повыше, коридоры шире. В каждом классе

имеется киноустановка, мы показываем на уроках фильмы.

Если гости побывают в Курской области, пусть заглянут к нам в село — и сами увидят, какая у нас школа.

Перед входом в павильоны Дальнего Востока и Белоруссии стоят бронзовые фигуры пограничников с собаками. В павильоне Грузии мы видели

на стене красивую картину: среди множества овец стоит старый колхозник с собакой.

Перед картиной стоял человек, удивительно похожий на того, который нарисован на ней. Казалось, будто он сошел с картины.

Это был один из лучших овцеводов Грузии — колхозник Леван Швелашвили из Телавского рай-

она. Он смотрел на картину, изображавшую его с собакой. Старик рассказывал:

— Мою собаку зовут Бозар. Он — чудесный хранитель овец. Мы работаем вместе четыре года. За это время Бозар разорвал двух волков, напавших на наше стадо. Меня с Бозаром за хорошую работу послали на выставку. Сейчас пойду навестить его.

Старик направился к павильону «Собаководство».

Грозный Бозар встретил его радостным визгом.

— Скоро поедem домой, Бозар, — говорил ему старик. — Ты уж, небось, соскучился по родным горам.

Волкодав тихо скулил, радуясь встрече с Леваном.

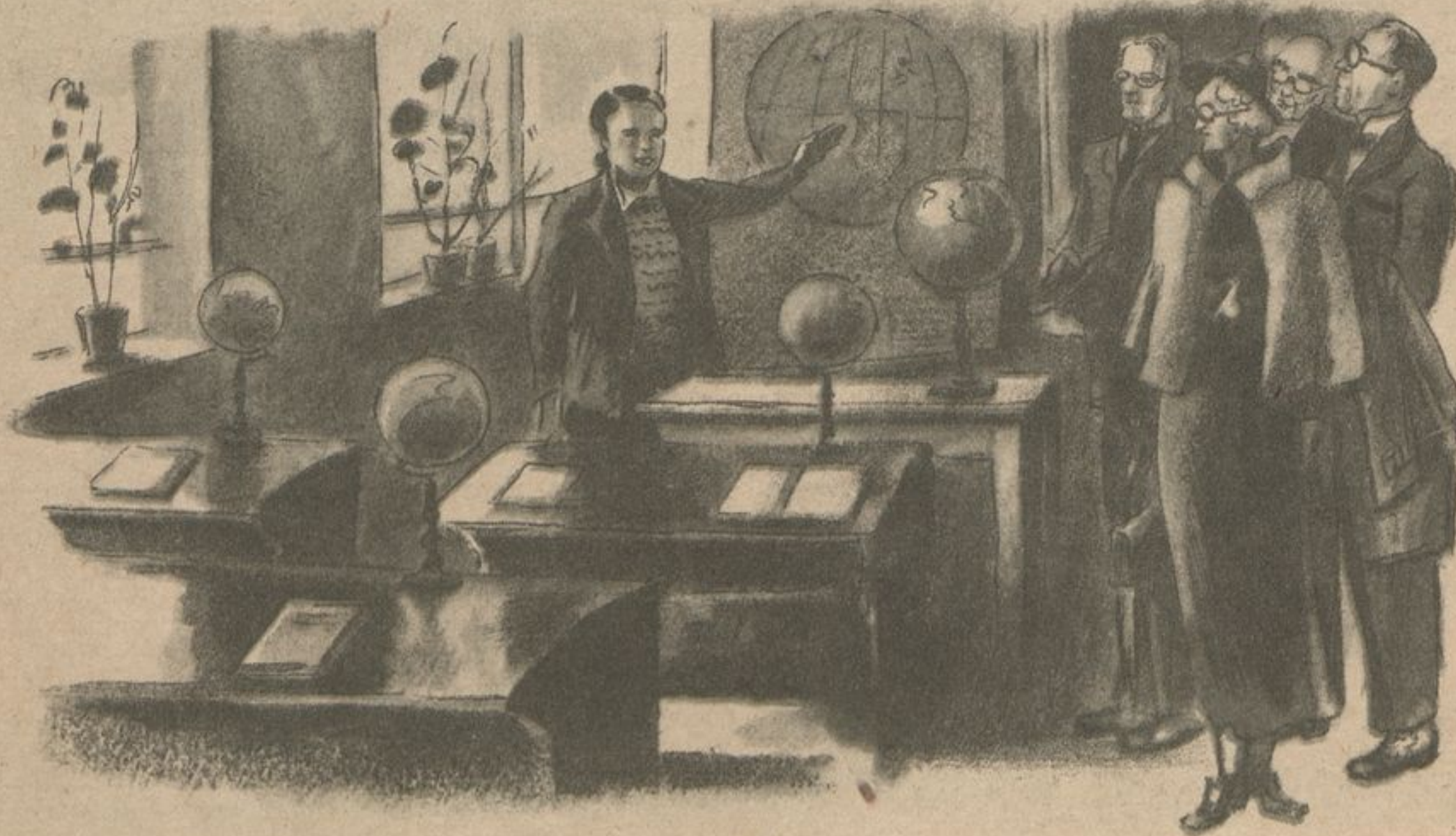
Скоро он вернется в родную Грузию оберегать огромное стадо колхозных овец.

До революции лучшие собаки принадлежали богатым помещикам. Они содержали их для своей забавы, для охоты.

На выставке в Тульском зале (павильон Московской, Тульской и Рязанской областей) мы видели фотографию, изображающую псовый дворец помещика Романова. Собаки жили в чудесном двухэтажном белом доме. Их обслуживал целый штат псарей.

А рядом висит другой снимок, сделанный в той же Тульской губернии, в селе Першино. На нем показана жалкая крестьянская избенка, похуже иной собачьей конуры. Бедняки-крестьяне жили хуже барских собак.

Так было до Великой Октябрьской социалистической революции. Но теперь этого нет и никогда не будет в Стране Советов.

Чушмаки

Рассказ А. Крачковской
Рисунки Е. Эндриксон

ЭТО было давно, при царе. Мы жили на окраине одного города на Кавказе. Из окон нашего дома была видна степь, а за ней — невысокие горы. Горы зелеными были только летом. На них росли деревья с листьями.

Голубые снежные вершины больших гор были видны только в самую лучшую погоду, да и то казались прозрачными. К рождеству оттуда на возах по крутым и скользким дорогам привозили елки. Везти их было опасно и долго, и стоили они дорого. Мама не могла их нам покупать.

А мы как раз очень любили елку.

Я и сестра Зина доставали коробку с елочными украшениями, рассматривали рыб из золотого картона или клеили цепи из полосок разноцветной бумаги.

Иногда мы устраивали «елку»: Зина ставила вверх ногами высокое кресло и подкладывала книги, чтобы оно держалось. Мы вешали на него цепи и серебряную канитель.

Иногда вместо елки украшали выращенную в горшке пальму.

В обычные дни нам не обидно было прыгать и петть вокруг таких «елок». Но пришло рождество, на базаре продавались настоящие елочки, и мы загрустили.

— Ну что ж, украсим твое кресло! — сказала Зина. — Все-таки в него можно воткнуть подсвечники. — И она опрокинула кресло.

— А пальма зеленая, — возразила я. — И она колет, как настоящая елка.

Зина потрогала пальцем, как колют листья пальмы, и грустно сказала:

— Все равно елкой она не пахнет, — и прибавила: — и свечек к ней нельзя приколоть...

В это время позвонили.

— Мама! — крикнули мы и помчались открывать.

Увидели мы не усталую маму, а веселые глаза дяди Кости.

Он вошел и сказал: «Гамарджоба!» Он

всегда так: сначала по-грузински — «гамарджоба», потом по-армянски — «баревцос», а потом уже по-русски — «здравствуйте».

Мы провизжали по-татарски: «Селям алейкэм!», потом сделали правой ногой полукруг, на левой присели и запищали по-французски: «Бонжур, дядя Костя!»

Дядя прибавил:

— Гутен таг! — И мы захохотали.

Он спросил:

— Дэда дома?

Мы ответили:

— Мама ушла! — Мы уже знали, что «дэда» — это «мама» по-грузински.

— Дэда пришла, — сказала мама: она в это время вошла с другого хода.

Дядя Костя увидел на столе картонажи.

— А где елка?

Я показала пальцем на мое опрокинутое кресло. Дядя собрался захохотать, но увидел наши печальные лица.

— Ой-ой-ой! Сейчас притащу, — и он побежал в прихожую.

— Нет, — и мама удержала дядю за рукав. — Я сама им куплю! — Мама взялась за сумочку.

Я хотела завизжать от радости: «Купи, купи!», но Зина дернула меня за платье. И мы в один голос сказали:

— Нет, нет, мы не хотим!

Потом, когда мы остались одни, Зина мне объяснила:

— Ну что ты не понимаешь? Денег ни у дяди, ни у мамы нет.

Дядя Костя медленно вернулся и стал перед окном. За окном были всё те же маленькие горы. Без единого зеленого пятнышка. На земле лежал снег, и деревья стояли отчетливые и голые, как нарисованные карандашом.

Дядя Костя вдруг повернулся к нам. Он повеселел.

— Ладно, девочки, а елка все-таки будет! — и побежал к дверям.

— Константин Петрович! — строго сказала мама, встала и взяла сумочку.

— Нет, нет, Мария Степановна! — ответил дядя Костя. — Я на базар не пойду, — и он выбежал.

Потом вернулся уже в пальто и не совсем уверенно сказал:

— Только, девочки, елка будет особенная. Ничего?

Зина опять дернула меня, и мы сказали — она раньше, потом я:

— А мы как раз и любим особенное.

— Так через час! — крикнул дядя и выбежал.

Мы видели, как он прошел мимо окон. Я посмотрела на серое, непрозрачное небо и спросила:

— А как он их найдет? Ведь их сегодня не видно.

— Чего не видно? — сурово спросила Зина.

— Голубых гор. На которых елки.

— Ну как ты не понимаешь? Он туда и не пойдет. За час туда не дойти.

Этому я не поверила; ожидать целый час — это так долго. По-моему, за это время дойти можно было куда угодно.

— А где же он возьмет елку?

— Ну как ты не понимаешь? Он сказал — особенная, значит — не настоящая, — строго сказала Зина. — Давай лучше клеить цепи, — и она помогла мне усесться поудобней.

Дядя Костя вбежал веселый и морозный. Он принес обыкновенную серую, без листьев ветку.

Зина дернула меня, но сказать мы ничего не успели — дядя, взглянув на нас, засмеялся.

— Подождите, подождите! Не говорите, что вам как раз такую и хотелось. Она еще не готова.

Он достал ножичек и подрезал концы тонких боковых веточек. Потом стал водить ножом по ветке почти плашмя, как делают мальчики, когда строгают прутья. Сначала отставала коричневая кора, потом под ножом стали закручиваться тонкие белые полоски дерева — и ветка вдруг расцвела нежными легкими стружками. Отогреваясь, она пахла, а белые стружки повисали кудрями и сосульками.

Мы украсили ее, как настоящую елку: цепями, игрушками и свечами.

Я посмотрела на белые стружки, загнутые, как лепестки, прозрачные от огня, и закричала:

— Ой, дядя, как же это ты придумал?

— Да это не я. Это грузины придумали. Это чичилаки.

Мы закричали «елке» по-грузински:

— Гамарджоба, чичилаки! (Здравствуй, елочка!)

Я потрогала мягкие стружки. Мы ни за что не променяли бы нашу чичилаки на обыкновенную, зеленую, простую, колючую елочку.

Сергей Михалков

Рисунок М. Храпковского

Заходи скорей в аптеку,
Там дежурят день и ночь,
Чтобы встретить человека
И всегда ему помочь.

Входишь — чисто и светло,
Всюду мрамор и стекло.
За стеклом стоят в порядке
Склянки, банки, пузырьки;
В них таблетки и облатки,
Капли, мази, порошки.

Это всё враги ангины,
Кори, кашля, хрипоты,
Дифтерита, скарлатины
И куриной слепоты.

Это сода, иод и хина,
Вата, марля и бинты,

И сушеная малина,
И целебные цветы.

У тебя распухший нос,
Расчихался ты до слез.
Ты проглотишь порошок —
Сразу станет хорошо.
Примешь капель двадцать пять —
И уже здоров опять.

Вот стоит с друзьями вместе
Рыбий жир на видном месте.
Выпил маленькую ложку —
И уже окреп немножко.

Ты бежал через дорогу,
Ты упал, поранил ногу.
Все на свете заживет —
Есть в аптеке бинт и иод.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Сказка

Рисунки
В. Таубер

Жили-были мужик да баба. У них было две дочери да сын маленький.

Повели раз девушки братца гулять. Вдруг налетел сильный ветер, налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика и унесли.

Только и видели сестры, как метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом.

Вот мать посылает старшую дочь искать братца.

Вышла старшая сестра в поле и пошла по тропинке. Шла, шла, увидела яблоню.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди моего братца унесли?

— Съешь моего лесного яблочка, тогда скажу.

Старшая сестра отвечает:

— У моего батюшки и садовые не едятся. И пошла дальше. Шла, шла, видит — стоит печь.

— Печка, печка, куда гуси-лебеди моего братца унесли?

Печка ей отвечает:

— Затопи меня, замети меня да поешь моего ржаного пирожка, тогда скажу.

— У моего батюшки и пшеничные не едятся. И пошла старшая сестра дальше. Смотрит — течет молочная речка с кисельными берегами.

— Речка, речка, куда гуси-лебеди моего братца унесли?

— Поешь моего простого киселька с молочком, тогда скажу.

— Не ела я киселька с молочком! У моего батюшки и сливочки не едятся.

Идет старшая сестра, видит — избушка на курьих ножках, на веретенных пятках стоит да поворачивается.

— Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом!

Избушка повернулась. Старшая сестра вошла туда и видит: лежит баба-яга на лавке,

ноги — на шестке, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Фу-фу-фу! Отсюда русского духу видом не видано, слухом не слыхано, а нынче русский дух сам на глаза явился... Что ты, девица, дело пытаешь или от дела лытаешь?

— Бабушка! Я по мхам, по болотам ходила, платье все измочила, пришла к тебе погреться.

— Сядь, девица, поищи у меня в голове.

Села старшая сестра искать у бабы-яги в голове и видит — братец ее сидит на лавочке, а кот Еремей ему сказки мурлычет.

Скоро баба-яга уснула. Старшая сестра схватила братца и побежала.

А кот Еремей бабу-ягу разбудил. Она клинула гусей-лебедей, послала их в погоню.

Идет старшая сестра с братцем путем-дорогой, вдруг видит — за ней летят гуси-лебеди. Она подбежала к молочной речке с кисельными берегами.

— Речка, речка, спрячь меня с братцем поскорее, посади под бережок!

— Нет, не буду тебя прятать, не посажу под бережок.

Старшая сестра побежала дальше.

Гуси-лебеди — за ней, вот-вот нагонят... Она говорит печке:

— Печка, печка, дай в тебя влезу. Спрячь меня с братцем!

— Нет, не буду тебя прятать.

Старшая сестра бежит дальше. А гуси-лебеди уж нагоняют. Она просит яблоню:

— Яблоня, яблоня, спрячь меня с братцем!

— Нет, не буду тебя прятать.

Тут гуси-лебеди догнали ее, отняли братца и унесли. Пришла она домой ни с чем.

Долго ли, коротко ли, стала младшая сестра у матери проситься брата искать.

Мать ей говорит:

— Куда тебе! Старшая сестра ходила — не нашла, тебе и подавно не найти.

— Может быть, найду. Пустите меня.

И пошла младшая сестра в поле по тропинке. Шла, шла, подошла к яблоне.

— Скажи, яблоня, где мой братец?

— Съешь моего лесного яблочка.

Младшая сестра и съела. Яблоня послала ее к печке.

— Скажи, печка, где мой братец?

— Затопи меня, замети меня, поешь моего ржаного пирожка...

Младшая дочь затопила печь, замела, испекла ржаной пирожок и поела.

Печь послала ее к молочной речке с кисельными берегами.

— Скажи, речка, где мой братец?

— Поешь моего простого киселька с молочком.

Младшая сестра поела простого киселька с молочком и поблагодарила. Речка сказала ей, куда пойти. Шла, шла младшая сестра, увидела избушку на курьих ножках, на веретенных пятках.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!

Избушка повернулась. Младшая сестра зашла туда и видит: лежит баба-яга на лавке, ноги — на шестке, зубы — на полке, а нос в потолок врос.

— Фу-фу-фу! Русским духом запахло... Ты что, красная девица, дело пытаешь или от дела лытаешь?

— Я, бабушка, дело пытаю.

— Тогда садись, поищи у меня в голове.

Села младшая сестра искать у бабы-яги в голове, а сама приговаривает:

— Усни, глазок, усни, другой...

Баба-яга и уснула. Младшая сестра взяла

ей смолой глаза залила и варом залепила. Сама встала, видит: братец сидит на лавочке, кот Еремей ему сказки мурлычет. Она коту Еремею дала хлебца и маслица, братца взяла и ушла.

Кот Еремей наелся, лежит отдыхает.

Баба-яга спала, спала, проснулась, а глаза продрать не может.

— Кот Еремей, продери мне глаза!

А кот ей отвечает:

— Мурлы-мурлы... Я у тебя сколько жил, от тебя горелой корки не видел, а красная девица не надолго пришла — хлебца да маслица мне дала.

Баба-яга кричит:

— Гуси-лебеди, летите скорей! Сестра брата унесла...

Гуси-лебеди полетели в погоню.

А сестра с братцем дошла до молочной речки с кисельными берегами. Видит — гуси-лебеди летят в погоню.

— Речка-матушка, спрячь меня!

— Садись под бережок.

Младшая сестра с братцем села под бережок. Гуси-лебеди не увидели ее и пролетели мимо.

Пошла она дальше. Дошла до печки. Видит — опять гуси-лебеди летят, уж близко.

— Печка-матушка, спрячь нас с братцем!

— Полезай в меня.

Младшая сестра залезла в печь. Гуси-лебеди пролетели мимо.

Она вылезла. Пошла дальше.

Дошли до яблони. А гуси-лебеди уж опять летят, вот-вот нагонят.

— Яблоня-матушка, спрячь меня поскорее!

Яблоня распушилась, ветки до самой земли опустила, сестра с братцем спряталась под ними...

Гуси-лебеди покружились, покричали, покричали и улетели прочь.

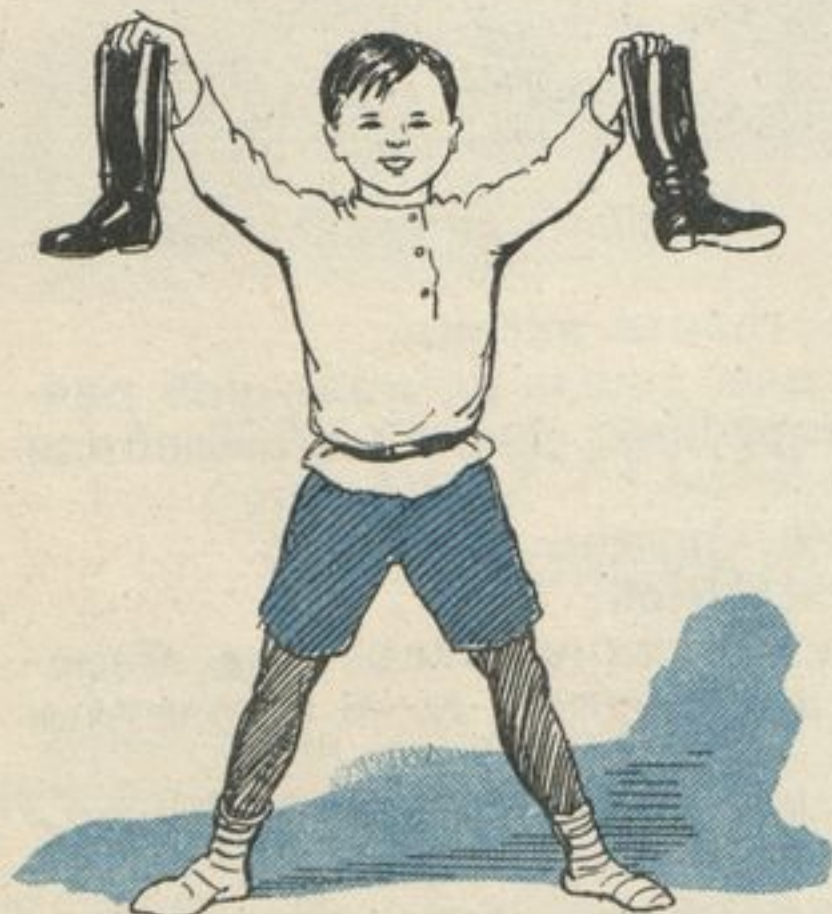
Улетели прочь гуси-лебеди, а младшая сестра с братцем побежала домой.

А тут и отец с матерью с работы пришли. Обрадовались они, устроили пир.

Я на том пиру был, сказки им рассказывал да мед пил.

САПОГИ

И. Губанов

На мои на две ноги
Мне купили сапоги —
Кожаные, новые,
Черные шевровые.

Через год и две недели
Сапоги вдруг заболели:
В январе, в большую стужу,
Пальцы вылезли наружу.

Отслуживши, видно, срок,
Оторвались от сапог
И лопочут, как трещотки,
Две дырявые подметки.

Сапоги понес лечить я,
Сапоги понес чинить я
К дедушке серьезному,
К доктору сапожному.

Он засунул в них колодки,
Сделал новые подметки;
За добавочную плату
Положил еще заплату.

И опять как новые
Сапоги шевровые.

Рисунки Л. Смехова

ЕЛКА

Мы втащили елку
В красный уголок,
И уткнулась елка
Прямо в потолок.

Смастерили сами
Мы жука с усами,
Корабли и танки,
Пушки и тачанки.

В комнате разнесся
Запах смоляной,
Будто на опушке
Мы стоим лесной.

Мы украсим елку,
Встретим Новый год.
Ждать его недолго —
Он уже идет.

Н. Найденова

ЕЛОЧНЫЕ ИГРУШКИ

Для звезды (рис. 3), аэроплана, парашюта и снежинки сделайте из тонкой проволоки формочки по рисункам. Потом опустите готовые формы в горячий насыщенный раствор из калийных квасцов и держите их в нем 4—5 часов. Когда квасцы осядут на нитках проволоки красивыми ледяными кристаллами, выньте формы из раствора и повесьте просушить.

Фонарики (рис. 9 и 17) сделайте из плотной бумаги, раскрасьте их и вырезанные места подклейте внутри цветным целлофаном.

Цепь из аэропланов и звезду (рис. 6) сделайте из цветного картона, а кисточку к звездочке — из блестящих нитей.

Бусы (рис. 4) склейте из заостренных полосок разноцветной бумаги (чертежи А и Б).

Детали для гирлянды из насекомых и листьев вырежьте из сложенной в несколько слоев цветной бумаги (чертежи А и Б к рис. 10) и склейте.

Для танка и сказочного домика сделайте

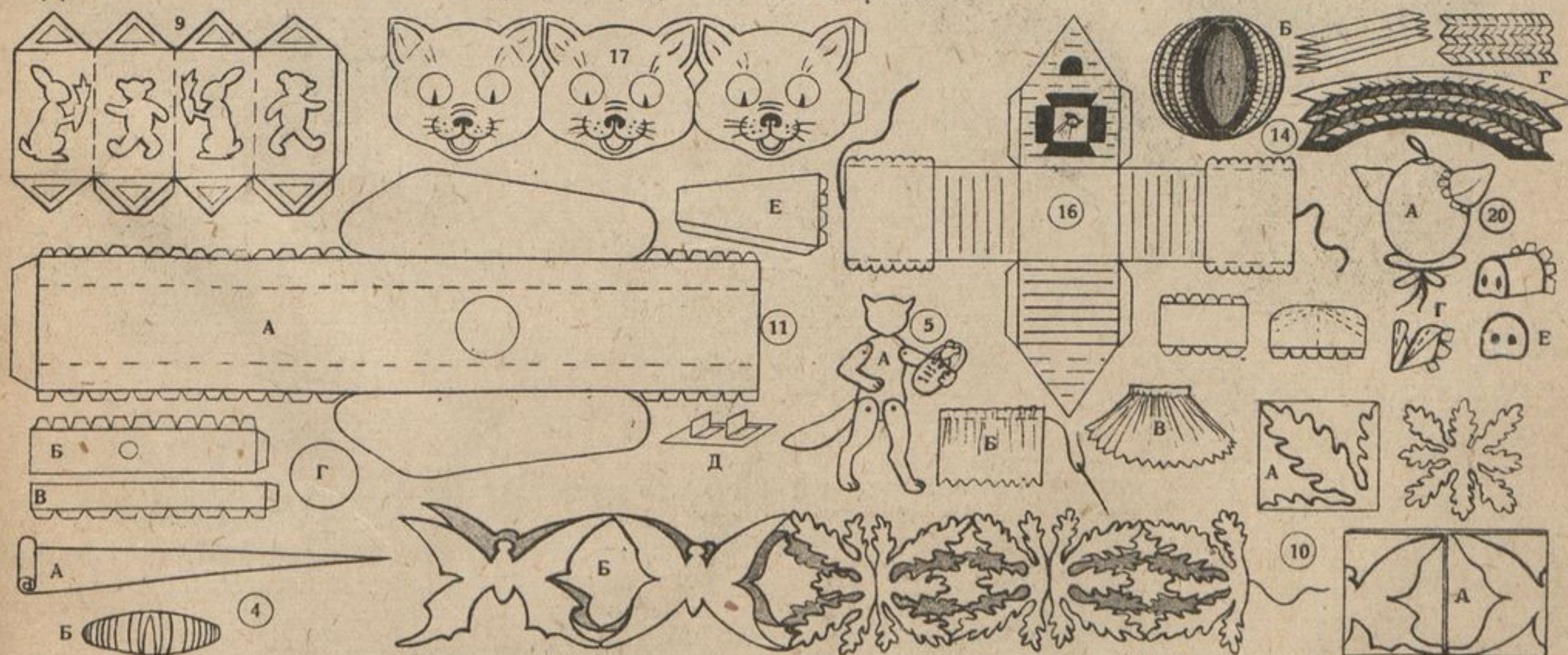
выкройки по чертежам к рисункам 11 и 16 с деталями. Склейте и раскрасьте их по рисунку.

Кошка делается из картона; лапки прикрепляются узелками из толстых ниток. Платье сделайте из гофрированной цветной бумаги. Таким же способом делаются куклы в украинском и белорусском костюмах.

Поросенка, Кота в сапогах и Мороза делают из яиц. Осторожно проколите яйцо; когда выйдет все содержимое его, продерните через него нитку, как показано на чертеже. Лица раскрасьте, а головные уборы и воротники сделайте по рисунку. Борода Мороза делается из бумаги или ваты. Поросятку наклейте нос (см. выкройку к рис. 20).

Плиссированный круглый фонарь сделайте по пояснительным чертежам к рисунку 14 (детали А, Б, Г).

Все выкройки вы можете увеличить до желаемых размеров. Если что-нибудь будет непонятно или трудно сделать, попросите помочь старших.

1/495 2

Рисунки Г. Якубович

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Москва, Чертольский пер., 4. Тел. К 4-97-22 и К 0-58-77.

Редколлегия: А. Барто, М. Ильин, Л. Кассиль, С. Михалков, Ал. Толстой, Е. Яковлева.

Художеств. редактор В. Житенев.

Корректоры З. Молодык и С. Боровская.

Сдано в производство 27/X 1939 г. Подписано к печати 4/XII 1939 г.
Уполномоченный Главлита А-20855.

Объем 3,5 печ. л. Ст.-форм. 93 × 120 1/8 листа.
Заказ № 1693. Тираж 200 000.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сушевский вал, 49.

27 ЯЕН 1939